

ЧЕРЕЗ ЛАГЕРЯ И ГОДЫ: СУДЬБЫ УЗНИКОВ ГУЛАГА В КАЗАХСТАНЕ И ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ О РЕПРЕССИЯХ

Илясова А.У., докторант I курса исторического факультета
ст.преподаватель кафедры ООД Академии «Bolashaq»
e-mail: aliya.aupenova@mail.ru

Сактаганова З.Г., д.и.н., профессор-исследователь кафедры археологии, этнологии и
Отечественной истории
Карагандинский университет им. академика Е.А.Букетова
Караганда, Казахстан

Политические репрессии в СССР стали одной из самых трагических страниц в истории XX века, затронув миллионы человеческих судеб. Казахстан, как часть советской лагерной системы, стал местом заключения для множества людей разных национальностей, профессий и возрастов. Судьбы людей, прошедших через лагеря, навсегда разделились на «до» и «после» - лагерная жизнь изменила их мировоззрение, разрушила привычные социальные связи и оставила неизгладимый след в памяти целых поколений. Как отмечают исследователи И.В. Евсеев и В.Е. Хвощев, «в известной степени оценить цифру прошедших через ГУЛАГ позволяет записка от 6 августа 1955 г. Начальнику ГУЛАГа МВД СССР генерал-майору Егорову С.Е. Всего в подразделениях ГУЛАГа хранится 11 миллионов единиц архивных материалов, из них 9,5 миллионов составляют личные дела заключенных. Начальник секретариата ГУЛАГа МВД СССР Майор Подымов» [1, с. 69]. Таким образом, советские политические репрессии охватили широкий круг людей, признанных «социально опасными» по политическим, этническим, религиозным и иным признакам. Они выражались в арестах, ссылках, лишении свободы, принудительном труде, депортациях и расстрелах. Особого размаха репрессии достигли в 1937–1938 годах, когда сотни тысяч граждан были расстреляны или отправлены в лагеря ГУЛАГа.

Цель нашей статьи - комплексное изучение судеб людей, переживших советские репрессии в лагерях Казахстана, с акцентом на особенности их выживания, адаптации и сохранения памяти о пережитом. Для достижения цели предполагается решение следующих задач: проанализировать воспоминания бывших заключённых казахстанских лагерей, выявить общие черты и уникальные аспекты их жизненного опыта; охарактеризовать условия содержания, трудовой режим, быт и психологическое состояние заключённых; выяснить влияние репрессий на дальнейшую судьбу бывших узников и членов их семей; определить значение сохранения исторической памяти о жертвах репрессий для современного казахстанского общества.

Воспоминания бывших заключённых, их письма и мемуары - уникальные источники, позволяющие понять не только масштабы трагедии, но и внутренний мир человека, оказавшегося в экстремальных условиях лагерной системы, иллюстрирующие личные переживания и коллективную память о репрессиях. Внимательно читываясь в письма отбывающих наказание в исправительно-трудовых лагерях ГУЛАГа своим родным, вслушиваясь в воспоминания самих людей, осужденных по 58-й статье, их родных и близких, классифицированных, как члены семей изменников родины (ЧСИР), приходит истинное понимание, что пришлось им выдержать и вытерпеть.

На современном этапе исследователи [2] выделяют следующие категории воспоминаний тех, кому повезло выжить в тюрьмах и лагерях, ссылках в отдаленные местности СССР, среди них научно-технические и партийные работники, служащие, военные, художники, писатели, священнослужители, рабочие и крестьяне: мемуары репрессированных; воспоминания, написанные близкими родственниками репрессированных по непосредственным рассказам, хранящимся в семьях письмам, документам и собственным воспоминаниям (многие дети и жены были в ссылках рядом с

отцами и мужьями, попадали в лагерь, а дети – в спецдетдома); литературные записи бесед с узниками ГУЛАГа, сделанные профессиональными журналистами.

Активная работа по сбору воспоминаний велась специалистами Архива Президента Республики Казахстан (АП РК). Она по крупицам собиралась, во-первых, в архивах силовых структур, во-вторых, в личных архивах у репрессированных граждан и их потомков. В результате собранные документы были организованы в фонд 122-Н «Коллекция документов жертв и пострадавших от политических репрессий в СССР» в составе 168 единиц хранения. [3]. Преобладающий вид документов – воспоминания. Благодаря активной публикационной деятельности, развернутой АП РК в фондах [4] сосредоточены уникальные источники, в процессе кропотливой работы были выявлены определённые информационные лакуны.

В конце 80-х гг. XX в. читатели газетных изданий предложили написать коллективную повесть о жертвах сталинских репрессий. Письма с воспоминаниями об отбытии наказания в исправительно-трудовых лагерях направлялись на адрес редакции «Индустриальная Караганда» и были опубликованы в новой газетной рубрике «Мемориал памяти». «Пишет вам бывший узник Карлага. Первый раз увидел печатное наименование этому казахстанскому острову печали и слез. Вы упомянули Долинку. А для нас это было 19-е долинское комендантское отделение... Но мало кто знает, что в нашей трагедии большую роль играл... Карабас. Нет, это не мистика. Так называлась одна из точек Карлага. Если Долинка вы называли столицей Карлага, то Карабас – это ворота Карлага, его невольничий рынок, биржа труда. Это страшное место каждый из попавших стремился как можно скорей покинуть и забыть...» [5, с. 4].

Воспоминания самих заключенных Карлага опровергали иллюзии тех, кто прикрывался существовавшим крепким порядком в период сталинизма [6, с. 4]. «Что же касается «мест пыток, расправ и расстрелов», в наличии которых вы сомневаетесь, могу сказать, что почти напротив Управления лагеря, рядом с бывшей поселковой столовой, за саманной стеной с колючей проволокой располагался квартал ОЧО (оперативный чекистский отдел), здесь была своя тюрьма и длинное, барачного типа здание, где находились следователи и другие работники отдела. Сюда привозили из всех отделений Карлага заключенных, которым давали дополнительные лагерные сроки, чинили над ними еще один закрытый «суд». Знаю много случаев, когда новым сроком была «вышка» – расстрел. Где он приводился в исполнение, не знаю» - писал непосредственный свидетель всего этого Г. Левин, осужденный по статье 58 и проведенный в Карлаге в заключении с 1940-го по 1947-й. [7].

В воспоминаниях заключенных прослеживалась вся их жизнь: что предшествовало аресту, период этапирования, содержание в лагере для исправления и после отбытия наказания. Так, Регина Валерьевна Зуева-Ордынец пишет: «Брали меня в Ленинграде. Шпионаж, террор, диверсия, участие в организации, недоносительство – вот такой «послужной список»... Наконец объявили: 8 лет исправительно-трудовых лагерей. После тюремных пыток, истязаний этап показался раем. В Карлаг прибыли 1 декабря 1939 г. Удручала формулировка: «без использования на общих работах». Это означало изоляцию, исключало выход за зону. Хотя тем, кого выводили на работу за проволоку, жилось не легче. Развод в пять утра. Весь день летом на солнцепеке, без воды. Вокруг ни кустика. Зимой – того и гляди замерзнешь в поле. Со стороны заключенные, выглядели «экстравагантно». Номерные нашивки на колене, спине, шапке. У меня был номер 148176. У моего будущего мужа Михаила Ефимовича Зуева-Ордынца, когда его пригнали с Колымы, номер был уже 179888. Особенно трудно пришлось во время войны. Кто с воли поступал, его тут же изолировали. Сведений с фронтов не просачивались никаких. Барак, нары из камыша, обмазанного глиной, тухлая баланда. Бесконечные обыски, произвол уголовниц, наушничество... В 1949 г. – освобождение. Но пока пришла бумага – еще 10 лет... Вообще, в тот год, кто «освободился», тут же попадал на этап либо автоматически получал новый срок. Без суда и следствия. Подобная практика доводила людей до отчаяния. Лагерная жизнь разрушала личность. И это, оказывается, вполне научно обосновывается. По выводам

лагерных «социологов», ровно через 10 лет у человека рвутся все нити с внешним миром, социальные, дружеские, родственные связи практически уже не восстановимы в прежних объемах. Надо начинать с нуля. Потом, через десять лет, все можно повторить с тем же успехом...Помню, сидела со мной великолепная в прошлом танцовщица ГАБТа[прим. Государственный академический Большой театр России]Клотильда Крысова. После отсидки ее видели в Караганде, на Михайловском рынке. Клотильда танцевала прямо на улице, зарабатывая на пропитание себе и своей годовалой дочурке...Да и со мной было не лучше. После реабилитации заехала в Ленинград. Никаких документов там не оказалось. Вроде, как и на свете меня не было. Ни где родилась, ни где училась. Ни семейных реликвий, ни даже фотографии. Так и осталась в собственной памяти такой, какой глядела с тюремно-лагерных фото – анфас и профиль»[8, с. 4].

Сколько таких судеб, искалеченных и выброшенных за пределы социума, не сумевших встроиться и адаптироваться в межличностные отношения, дающие возможность хоть как-то восполнить утраченное время, нераскрытые таланты и упущенные профессиональные возможности.

В 2002 г. АП РК совместно с Казахстанским историко-просветительским обществом «Әділет»и общественным фондом «Жанашыр» по программе Министерства культуры, информации и общественного согласия РК подготовлены к изданию «Страницы трагических судеб. Сборник воспоминаний жертв политических репрессий в СССР в 1920-1950 гг.»[9], из 67 опубликованных материалов 11 принадлежат лицам, которые в период репрессий были взрослыми людьми, авторы остальных воспоминаний – дети репрессированных.

В настоящее время внуки и правнуки репрессированных воссоздают страницы истории своей семьи. Результатами своих розысков делится правнучка заключенной КарлагаО.С.Павлова:«Судьбы и жизни миллионов людей искалечены политическими репрессиями. Среди них – моя прабабушка, Чижова Людмила Александровна, узница Карлага, после освобождения из которого в 1943 г. она скончалась по дороге домой, так и не вернувшись к своим родным»[10]. Воссоздать судьбу Людмилы Александровны в лагере можно из ее открыток, которые изредка получали ее дети. Обратный адрес: Долинское почтовое отделение Карагандинской области. Почтовый ящик № 246-П-17.28.31. Сохранились открытки из Карлага, датированные 1941 г. Судя по ним, Людмила Александровна оставалась в лагере до тех пор, пока состояние здоровья позволяло ей работать. Но постепенно она совсем ослабла и в 1943 г. была досрочно освобождена. После этого родные получают открытку, читать без слез которую невозможно: «Досрочно освобождена...Хлопочите...Очень спешно и срочно нужна денежная помощь. Очень ослабела, нужно питание; заработать не могу, стара и слаба. Может быть еще успеете помочь. Более 1,5 лет ничего ни о ком из вас не знаю. Изболелась думами. Скорее отвечайте, чтобы не было поздно. Основание освобождения – приказ Прокурора СССР от 28/ХП-42 г.Целую всех. Любящая Вас ваша Мама». Это открытка от 1943 г.Сразу же после получения восточкиродственники выслали деньги на дорогу, но вскоре они были возвращены почтой по причине ненахождения адресата. Дальнейшие семейные розыски никакого результата не дали. Предположительно, что Л.А. Чижова умерла в Казахстане, не имея средств к существованию, от голода и болезней.

При ознакомлении с воспоминаниями, отбывавших наказание в исправительно-трудовых лагерях, предстает вся картина лагерной жизни: режим содержания, виды, формы и объем работ для выполнения поставленных задач перед заключенными, суровыеклиматическиеусловия, рацион питания и его скудные нормы, выдача обмундирования и его быстрая изнашиваемость, и при всем этом существование и выживание.

Евгений Сомов вспоминал: «Наш этап в 200 человек прибыл сюда[прим. Карлаг], в это Котурское отделение, прямо с пересыльного пункта, с Карабаса, и сразу же без всякого карантина был брошен на восстановление плотины. Слава Богу, что нормы с нас первую неделю не требовали, а хлебный паек по 650 грамм выдавали. Но пришел день, когда эта

привилегия кончилась, и сразу норма выработки стала нашим врагом, тираном. Хорошо еще, что у меня сохранились те кирзовые ботинки, что мне бластные в Свердловской пересылке подкинули, а то пришлось бы бегать в тех, которые тут всем выдают, на деревянной подошве. Поэтому свои кирзовые я спасал, как мог, чтобы не украли: спал на них, как на подушке, покрыв мешком, и в сушилку никогда не сдавал. Не дай Бог, в этих деревянных: не гнутся, скользят и стучат, окаянные, на деревянных мостках, так что по всему участку разносится: «так-так-так-так...». И носки из ваты, те, что выдавали, я не взял, они, как намокнут, в глину превращаются, а как в просушку отдашь, то и вообще в кусок древесины. Хорошо, я портянки свои сберег, они на ноге сидят легко, и сушить их проще...

В первую неделю я совсем упал духом. Хотя я считал себя выносливым, тренированным парнем, боксером, но здесь мне показалось, что бригадир просто шутит. Этот мерзлый грунт невозможно разбить, да еще отвезти черт знает куда, да по четыре куба в день и так каждый день... В этот день еще до перерыва удалось нам углубиться в забое более чем на полметра: неужели норму сможем выполнить?! Пищу привозят прямо на стройку, ставят котлы под открытым небом и разливают в глиняные миски. Сегодня жидкий суп из пшена и кусок соленой рыбы, так называемый балхашский сазан, с кашей. Пайку хлеба выдают утром на весь день. Посидели мы на бревне минут двадцать, дождь не перестает, и еще ветер усилился; чувствую, что в плечах начинаю промокать, а тут и снова забили по висящей рельсе, все потянулись к забоям. Огромная территория близ реки окружена конвоем... Куда ни бросишь взгляд, всюду видны головы людей из забоев, их тут около двух тысяч, а над ними по лабиринту деревянных мостков бегут тачки, все туда, туда, к створу размытой плотины.

Как я ни берег свои руки, подкладывая в брезентовые рукавицы разные куски тряпок, на третий день появились красные пятна. Я уже знаю, что это – пузыри будут. Если они загноятся, то я пропал, а освобождения от работы все равно не получишь. Иду на последнюю жертву, разрываю свой старенький шарфик и обматываю им руки – может быть, спасу... В этот день забой нам на двоих дали на новом участке. Бригадир отмерил квадрат два метра на два и крикнул плотнику, чтобы проложил мостки от главной магистрали. Всегда трудно начинать с поверхности, грунт в начале марта еще на полметра остается промерзшим, так что сначала мы с напарником должны вырубать его киркой по сантиметру, чтобы дойти до мягкого слоя. Да и тот-то не мягкий, это мертвая глина, ее штыковой лопатой сразу не возьмешь, нужно опять киркой. А норма – четыре кубометра на двоих: раздолбить, погрузить на тачку и отвезти на 300 метров по мосткам до сброса в тело плотины. Ну, как тут эту норму выполнишь? А если не выполнишь, то дадут тебе не 650 грамм хлеба, а только 550, не дотянешь до 50% нормы, то только 450, ну, а если еще меньше, то составят акт об отказе, и тогда загремишь ты в карцер на три дня, на 200 грамм хлеба с водой. Это, считай, конец: оттуда не выходят, выползают...

Эти нормы хитро рассчитаны, что стоит только вначале дня замешкаться, как выполнить ее станет уже невозможно. Мы, конечно, с напарником все время меняемся: то я стою в забое и набрасываю грунт в тачку, а он отвозит, то он через три-четыре возки переходит в забой. Только сами тачки сколачивают тут на участке из мокрых досок, так что весит она, подлая, более 50 килограммов, даже пустую-то ее еле катишь, а иногда так и она тебя на спусках катит и норовит все в сторону, в мокрую глину. А уж если везешь ее полную, да еще по узкому участку тела плотины, где мостки проходят вдоль крутых отвалов к реке, круча метров пятьдесят, так и вообще дух захватывает, а что, если туда потащит... Мы уже один раз видели, как там, далеко вниз по течению, трупы из воды баграми доставали. Спасать-то никого не торопят, да и на стремнине реки это невозможно. Считай, что не повезло... Стемнело. На наши места пришли другие бригады, факелы и прожектора уже загорелись. Нас строят по пятеркам в ряд. До зоны два километра. Колонна, внимание! – орет сержант, начальник конвоя. – При невыполнении законных требований конвоя конвой применяет оружие без предупреждения! Взять руки назад! Шагом марш!

Скорее в барак, снять с себя все, сдать в сушку и залезть на свои нары. Тепло! Страшный шум и галдеж вокруг. Я кладу голову на свои ботинки, и все это постепенно куда-то исчезает – я уже сплю. Меня будят, так как уже в проходе прямо из котла раздают ужин – это жидкая болтушка из гороховой муки. Снова нужно слезать с нар, хлебать ее, а потом идти за кипятком в тамбур и уже на нарах доедать оставшийся от обеда хлеб. Перед сном тут никто не моется. Засмеют. Да и умыться-то нужно идти на улицу, на дождь и ветер, там стоят большие деревянные умывальники. Неприятная мысль перед сном приходит мне в голову: «Неужели и завтра я должен идти туда же и снова вырубать под дождем эту норму? Сегодня я не смог это сделать, а завтра будет еще хуже!». Я натягиваю край мешковины, которую нам выдали как одеяло, поворачиваюсь на бок на камышовом мате и проваливаюсь тут же в сон.

...Рассказывают, что в тридцатые годы заключенных по 200-300 человек просто завозили на подводах к какому-нибудь озеру или реке, выдавали лопаты и другой инструмент и приказывали вкапываться в землю, строить бараки и зону из колючей проволоки. Первую неделю люди жили просто в этих выкопанных ямах, затем начинали месить и сушить из глины кирпичи, «саман», и строить бараки. Привозили только хлеб и вяленую рыбу с озера Балхаш: кто выжил, тот и выжил. Деревянные колышки с номером на могиле сохранялись не более года, пока не начиналась вспашка полей, для которых этот человеческий материал служил как удобрение»[11, с. 134-138].

В рамках работы над проектом «Карлаг: память во имя будущего» Академией «Bolashaq» (с 2006 г.) издаются воспоминания узников лагерей[12]. Многочисленные оригинальные тексты воспоминаний узников лагерей, их друзей и родственников, детей, прошедших ГУЛАГ, а также письма заключенных, поэзию и прозу лагерных лет, материалы следственных дел и интервью с репрессированными содержит электронный ресурс «Воспоминания о ГУЛАГе и их авторы»[13]. Подавляющее большинство авторов мемуаров – мужчины, однако немало и женщин, чьи воспоминания отличаются от мужских как стилем (женские тексты гораздо более эмоциональны), так и степенью подробности описания событий. Проект «База данных воспоминаний о ГУЛАГе» регулярно пополняется новыми бесценными источниками. На сегодняшний день указанный ресурс содержит информацию о 3846 авторах: библиографические записи (7292) и сами тексты (1689). Особую ценность этого ресурса представляют не только тексты мемуаров в электронном формате, но и краткие справки о жизни заключенных, а также информация о воспоминаниях: когда и при каких обстоятельствах они были написаны, где можно ознакомиться с оригиналом документа, имели ли место какие-либо редакторские поправки.

Литературные записи бесед с узниками ГУЛАГа, сделанные профессиональными журналистами составляют отдельный пласт воспоминаний. В 2018 г. Государственный музей истории ГУЛАГа и Фонд Памяти в рамках международного сотрудничества проводил съемки интервью с жителями Казахстана, пережившими массовые репрессии. Съемки проекта «Мой ГУЛАГ»[14] прошли в Казахстане, в том числе, в г. Караганде. В рамках этого проекта Музеем истории ГУЛАГа собираются воспоминания людей, которых коснулись репрессии. Целью проекта является создание архива интервью, объединенных темой ГУЛАГа. С каждым годом увеличивается поток обращений потомков, интересующихся судьбой своих родственников, ставших жертвами массовых репрессий.

В персонализированном поиске судеб политических заключенных значительную помощь может оказать некоммерческий проект благотворительного фонда «Протяни руку» «Открытый список», являющийся на сегодняшний день самой полной электронной базой данных жертв политических репрессий в СССР (1917-1991 гг.), построенной по принципу «Википедии» [15].

Политические репрессии разрушали семьи, лишали людей возможности получить образование и достойную работу, сопровождалась поражением в правах даже после освобождения. Многие не смогли восстановить прежние социальные связи, а травма лагерной жизни передавалась следующим поколениям. Сбор и публикация воспоминаний бывших заключенных, создание электронных архивов и баз данных - важнейшая задача

современного общества, позволяющая не только сохранить историческую правду, но и предупредить повторение подобных трагедий.

Список использованной литературы и источников:

1. Евсеев И.В., Хвощев В.Е. Политический дискурс по вопросу о количестве заключенных в сталинской исправительно-трудовой системе // Вестник ЮУрГУ. – 2007.- № 24(96) - С. 69.
2. Салтык Г.А. Воспоминания бывших узников исправительно-трудовых лагерей СССР как исторический источник // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2012. № 4 (24).
3. Справочник по архивным фондам личного происхождения // Сост. Ш. О. Тулеуова / Под общей редакцией проф. Б. А. Джапарова. Издание 3-е, дополненное. Алматы, 2017. - 368 с.
4. Путеводитель по фондам Архива Президента Республики Казахстан: Справочно-информационное издание // Составители: Е.М. Грибанова, А.А. Сейсенбаева/Под общ.ред. проф. Б.А. Джапарова. Изд. 2-е, доп. – Алматы, 2016. – 310 с.
5. Тарцаков Н.И. В «гостях» у Карабаса // Индустриальная Караганда. – 1988. - 1 ноября.
6. Мельничук З. Нужен крепкий порядок//Индустриальная Караганда. – 1988. - 2 декабря.
7. Левин Г. Такой «порядок» нам не нужен. Ответ на письмо З. Мельничук из г. Шахтинска // Индустриальная Караганда. – 1988. - 24 декабря.
8. Зуева-Ордынец Р. Бывали дни веселые // Индустриальная Караганда. – 1988. - 28 октября.
9. Страницы трагических судеб: Сборник воспоминаний жертв политических репрессий в СССР в 1920-1950-е гг. // Сост. Е.М. Грибанова, А.С. Зулкашева, А.Н. Ипмагамбетова и др. – Алматы: Жеті жарғы, 2002. – 448 с.
10. Интервью члена Государственной комиссии по полной реабилитации жертв политических репрессий Илясовой А.У. с правнучкой Л.А. Чижовой кандидатом педагогических наук, заведующей кафедрой этнопсихологии и психологических проблем поликультурного образования ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» Ольгой Сергеевной Павловой от 31.05.2023 г.
11. Сомов Е. Обыкновенная история в необыкновенной стране: Док.роман. – СПб.: Журнал «Нева», 2001.– 448 с.
12. Карлаг: Нәубетжылдардыңжазылмасжарасы (естеліктер) = Карлаг: Вечная боль суровых времен (воспоминания) = Karlag: Endlesspainofhardtimes (memoirs): сборник / ред. Н. О. Дулатбеков; в 3-х томах. Т. 1. – 568 с.; т. 2. –628 с.; т. 3. – 581 с.; Қарағанды: Арко, 2010; Дулатбеков Н.О. Судьба узника Песчаного лагеря: книга-диалог автора и героя. - Қарағанды: Болашақ-Баспа, 2012. - 135 с.; Записки двадцатилетнего зека: воспоминания / Научно-информационный центр «Мемориал». - Караганды: Болашақ-Баспа, 2014. - 44 с.; Воспоминаниям угаснуть не дано. Воспоминания Тер-Асатуровой Елены Константиновны: научное издание/ Научно-информационный центр «Мемориал». - Караганды: Болашақ-Баспа, 2014. - 267 с.; Халықжауының» әйелі: естеліктер. - Қарағанды: Болашақ-баспа, 2014. - 36 с.; Ильина И. Мой век: воспоминания, дневники, рассказы / Менің ғасырым: естеліктер, күнделіктер, әңгімелер. - Қарағанды: «Болашақ- Баспа» РББ, 2016. - 396 б. и др.
13. Воспоминания о ГУЛАГе и их авторы // [Электронный ресурс] <https://vgulage.name/>Дата обращения: 02.05.2025
14. Проект «Мой ГУЛАГ» // [Электронный ресурс] <https://mygulag.ru/> Дата обращения: 04.05.2025
15. Проект «Открытый список» // Электронный ресурс] <https://gmig.ru/visitors/document-center/> Дата обращения: 05.05.2025